

Александра Соронова

С Т И Х И

Что за любовь ты вытянул,
исполосован, измучен?

Светлая птица с утра
не садится тебе в изголовье.
Не клвет осторожно
в затылок.

День пробегает поверху,
голови каблуками касаясь.

К вечеру - сон ли? усталость? -
теплее и легче дышать.

" " "

Что за любовь полны
твоя души? Одна за другой,
даже самая верхняя, злая, седьмая?..

Та, что всегда оставалась
сухой и парящей...

Что за любовь...

"Встань," - попросила
и тонкой рукой
теребила плечо

Сама уж до края
бессильная...

" " "

Что за любовь...

Раздвесья, радость моя.
До кожи.
До ребер.
До сердца.
До левого полудунного клапана.
Что-то там не сработало
В тот недавно мелькнувший момент,
От которого
Мне до сих пор
Холодно.

Вытяни руку.
До меня дотянись
Ногтями
Ладонью
Плечом
Грудью
Левой рукой, плечом и ладонью.
Чтобы было спокойно.
Верней, не спокойно, а замкнуто.
Вернее, не замкнуто, а
Не больно.

Произнеси что-нибудь.
Голосом.
Шепотом,
Смехом,
Ресницами,
Сорванным ритмом дыхания.
Сотри
лестную, острую птицу,
Клюющую, меньше она уже, меньше...
совсем маленькая.

А черт приголубит
уставших до черта,
Улегшихся прямо на чертвое поле,
раскинув ладони.

Глаза их, хоть выпуклы,-
но спокойны.

Ни тени желанья, ни вдоха: "Ниче бы..."
Ех щиплет небом.

Хорошей погоды,
воды и соли,
и сроку - два месяца и неделя,
И встанет дерево.

И будет молчать
и из гнили строить
свои изумленные ветки,
и листья разрезывать...

Молча строить
кору и крону
И к своре гусениц, тело крущих,
Быть равнодушным.

Под кашлем ветра
клонить покорно
Хребет и слушать в себе потоки
воды и соков.

"И кто мне ответит,
где кончаюсь я и где
начинается мир?.."

А. Лиеняк

... Что касается мира,
то в нас не нуждается он,
как в отдельных,
изячно построенных обликах духа.
Только смесь он приветствует.
Смесь, или взвесь, или сонм,
в коем заживо слиты
метель, абрикос и старуха...

Только вечный, шипящий
и колобродящий бульон,
с переливами красок,
где краски отдельной - не видно.
Где теряется тот,
кто в него с головой погружен,
насовсем растворясь
в поцелуе с листком или с рыбой.

Мы, поняв это, мы
устраиваемся взглядом на юг,
на восток и на север,
на небо, на землю - все вместе.
И, сцепивши ладони, прыгнувшись,
включаемся в круг,
Снявсь намертво влиться
в движение, слиться и спеться.

... Ты хватаешь за руку
улитку и тащишь с собой,
я вцепилась в шершавые
плечи сбегавшихся улиц...
Все быстрее круженье,
все смешанней, сдавленной вой,
Все слякочней тела,
и пути, и могилы, и люди...

Вот уже не разбить,
не сказать, где же я и где ты,
где вошла в мое тело
смиренная похоть собаки...
Где сияли глаза,
где гортань напевала мотив...
Все, единое: волосы, возгласы,
вороны, знаки...

Все единое: голод,
задумчивость, смех и восторг,
все пороки и чувства
сменялись в бесцветное пламя.
И удушье тоски, и
морозного света глоток -
все единое. Нас
унесло. Растворило нам память.

... Ах, лихое зыбье... Было нас
и не стало нас вдруг.
Только мир раздобрел,
принимая нас в мягкое чрево.
Благодушен и груб, мир,
но нам не сказать, как он груб.
Не взглянуть на него,
не помыслить, не встать и не сдохнуть,

Ибо мы - это он. И границу
меж нами - смело.
И слова - это мы. И бумага,
на коей, танцуя,
ковыляют слова. И их смысл.
И вино. И перо.
И - немедленно - вечно - повсюду -
- надолго - умру я -

Рука

Возьмись рукой за лезвие ножа.
Коснется холод, — и насторожится
Рука, но высшим органам слуха

Не отстремится от него — смирится.
Сдави сильнее лезвие рукой.
Полоска холода перерастет границу

Полоски боли, холод станет — боль,
И нож всю силу вложит, не спеша,
В багровый след, лоснящий ладонь.

Сдави сильнее лезвие, сильнее...

Рука послушно давит, срезана
Лестокость, судьбой злой своей,
И чувствует, как, тихая, она

Кричит от боли ярче и темней,
И думает: "Сурова голова...
Но ей видней, наверно, ей видней..."

Сдави сильнее лезвие ножа.

Боль обнаглает вскорости и станет
Всевластно править, алчна и свежа;
Забьется в дрожь, безумно возмущаясь,
Рука, но высшим органам слуха,
Протест свой в действие не воплощая...

/Ей голову убить — помрет сама.

Руке деваться некуда. Рука
Она. — Пять пальцев. Три морщинки.
Кожа./

Декабрь

Войдешь с порога. Стынувший и зимний.
С еще чужой, примерзшей возле рта,
Грибаской стужи. Ветрено. "Придвинься,
И отогреюсь,- скажешь.- Ты тепла."

Куда еду, к стеклу прижав губами.
Напротив - дом. молчащий и сутулый.
Там в окнах вторы рыжими руками
Прикрыли угли, и уют, и скудость.

Там в каждой золотой, маленькой квартире
При деле - руки. Варится и шьется.
Но их удел - бесслезное сиротство:
Ты не войдешь в ничью из их идиллий.

А только в эту дверь. Нежное утра,
Теплее сна и женственное кошки
Я отвернусь от каменных окошек
Тебе навстречу. Улица застудит

слова и губы...